

Путин допустил глубочайший просчет по Украине

Первоначально опубликовано на английском языке @ [New York Times](#)

Ярослав Грицак

Д-р Ярослав Грицак — украинский историк, профессор Украинского католического университета

Львов, Украина — Украина снова очутилась в центре потенциально глобального конфликта. Первая мировая война, как сказал историк Доминик Ливен, «зависела от судьбы Украины». Вторая мировая война, по словам легендарного журналиста Эдгара Сноу, была «**прежде всего украинской войной**». Теперь угроза третьей мировой войны зависит от того, что может произойти в Украине.

Это поразительное повторение. Почему Украина, средняя по размеру страна с населением 40 млн на восточном краю Европы, не раз, не дважды, а трижды оказывалась в эпицентре военных действий?

По крайней мере отчасти ответ касается географии. Украина расположена между Россией и Германией, и ее издавна рассматривают как место борьбы за господство на континенте. Однако более глубокие причины — исторические. Имея общий с Россией источник происхождения, Украина, однако, на протяжении веков

развивалась иначе, все больше расходясь в ключевых аспектах со своей восточной соседкой.

Президент Владимир Путин любит вспоминать историю как одну из причин своего кровавого вторжения. Украина и Россия, [утверждает он](#), — это действительно одна страна: Украины, по сути, не существует. Это, конечно, абсолютно неверно. Однако он прав, считая, что история дает ключ к пониманию настоящего. Путин просто не отдает себе отчет, что история не то что не принесет ему успех — именно она сломает его планы.

В 1904 году английский географ Хэлфорд Джон Маккиндер сделал смелый прогноз. В статье под названием «Географический поворот истории» он предположил: кто контролирует Восточную Европу, тот будет контролировать мир. По обе стороны этого огромного региона — Россия и Германия, готовые к тому времени воевать. А посередине лежала Украина с ее богатыми запасами зерна, угля и нефти.

Нет нужды глубже вдаваться в теорию Маккиндера, которая имела свои изъяны. Однако после Первой мировой войны она оказалась чрезвычайно влиятельной и стала чем-то вроде самоисполняющегося пророчества. Благодаря нацистскому геополитику Карлу Хаусхоферу эта [концепция перекочевала](#) в «Майн кампф» Гитлера. Ленин и Сталин не читали Маккиндера, однако действовали так, будто читали. Для них Украина была мостом, через который российская революция должна была пойти на запад в Германию и стать мировой. Путь к конфликту снова пролегал через Украину.

Вторая мировая война была катастрофической: в Украине погибло около [семи миллионов](#) человек. После этого Украина была законсервирована в Советском Союзе, и этот вопрос на время казался решенным. После краха коммунизма многие считали, что тезис Маккиндера устарел и что будущее принадлежит независимым и суверенным государствам, свободным от амбиций больших соседей. Они ошибались.

Аргумент Маккиндера, что Восточная Европа и Украина являются ключевыми для соревнования между Россией и Германией, никогда не терял актуальности. На самом деле он занял почетное место в сознании Путина. Однако с одним изменением: он заменил Германию целым Западом. Украина, по мнению Путина, стала полем битвы для цивилизационного состязания между Россией и Западом.

Сначала Путин не воплощал свое представление в действиях. В первые годы своего пребывания в должности он, казалось, ожидал — как и те из [окружения Бориса Ельцина](#), кто наблюдал за распадом Советского Союза, — что украинская независимость продлится недолго. Со временем Украина должна была умолять, чтобы ее приняли обратно. Но этого не произошло. Хотя некоторые украинцы остались под влиянием русской культуры, политически они склонялись к Западу, как

показала [Оранжевая революция 2004 года](#), когда миллионы украинцев протестовали против фальсификации выборов.

Тогда Путин сменил курс. Вскоре после войны в Грузии в 2008 году, когда Кремль взял под свой контроль два грузинских региона, он разработал новую стратегическую политику в отношении Украины. Согласно [плану](#), любые шаги Киева в направлении Запада должны были наказываться военной агрессией. Цель заключалась в том, чтобы отколоть русскоязычный восток Украины и превратить остальную страну в вассальное государство во главе с кремлевской марионеткой.

Тогда это казалось фантастикой, абсурдом. Никто не верил, что такая политика может быть подлинной. Однако в последние недели [революции на Майдане](#) в Украине 2014 года, когда украинцы требовали положить конец коррупции и сблизиться с Западом, стало до боли ясно, что Россия настроена на агрессию. Так и случилось: проведя быструю военную операцию, Путин захватил Крым и часть Донбасса. Однако самое важное, что ему не удалось воплотить все свои амбиции — в основном из-за героического сопротивления добровольцев на востоке страны.

Путин просчитался дважды. Во-первых, он надеялся, что Запад молча проглотит его агрессию против Украины, как это произошло с войной против Грузии. Совместной, объединенной реакции Запада он не ожидал. Во-вторых, поскольку в его понимании россияне и украинцы были одной нацией, Путин считал, что российским войскам нужно только войти в Украину и их встретят там с цветами. Этого не случилось.

События в Украине в 2014 году подтвердили то, что уже давно говорят либеральные украинские историки: основное отличие между украинцами и русскими заключается не в языке, религии или культуре — здесь они относительно близки, — а в политических традициях. Проще говоря, победоносная демократическая революция почти невозможна в России, а жизнеспособное авторитарное правительство почти невозможно в Украине.

Причина такого разногласия историческая. До конца Первой мировой войны (а в случае Западной Украины — конца Второй мировой войны) украинские земли находились под сильным политическим и культурным влиянием Польши. Это влияние само по себе было не польским, а скорее западным. Как говорил гарвардский византист Игорь Шевченко, в Украине Запад был одет в польскую одежду. Центральным в этом влиянии были идеи ограничения централизованной власти, организованного гражданского общества и некоторой свободы собраний.

Путин, похоже, не извлек никаких уроков из своих неудач 2014 года. Он начал полномасштабное вторжение, очевидно, с целью устранить украинское правительство от власти и пацифизировать страну. Но опять же, российская агрессия столкнулась с героическим сопротивлением украинцев и объединила Запад. Хотя

Путин может прибегнуть к большей эскалации, он далек от военной победы, к которой так стремился. Умелый тактик, но неумелый стратег, он допустил свой самый большой просчет.

Однако этот просчет основан на убеждении, что он воюет не с Украиной, а с Западом на украинских землях. Этот нюанс очень важно постичь. Победить Путина можно только одним способом — его убеждение, что Украина борется не сама, а с помощью Запада и как часть Запада, следует превратить в кошмар наяву.

Как именно это можно сделать — с помощью гуманитарной и военной помощи, приняв Украину в Европейский Союз или даже предоставив ей свой план Маршалла, — открытые вопросы. Важна политическая воля дать на них ответ. В конце концов, борьба за Украину, как рассказывает нам история, — это гораздо больше, чем просто Украина или Европа. Это борьба за то, каким будет мир в будущем.

Ярослав Грицак — профессор истории Украинского католического университета и автор недавно опубликованной глобальной истории Украины.

Перевод В. Старко